

Г.В.Дуринова

КОГНИТИВНЫЕ МЕТОДЫ В ИСТОРИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКЕ

Статья посвящена проблеме изменения значения слова в историческом аспекте. Рассматриваются лингвистические концепции, представляющие ономаσιологический и семасиологический подход к значению. Обращение к концепции темпоральной структуры понятия, сформулированной в рамках направления *Begriffsgeschichte*, позволяет синтезировать эти два подхода. На примере истории слова *общество* в статье демонстрируется применение понятий когнитивных моделей (по Дж.Лакоффу) для анализа семантических изменений.

Ключевые слова: историческая семантика, *Begriffsgeschichte* (история понятий), когнитивные модели, синтаксические структуры

The article deals with the problem of semantic change of words in a broad historical perspective. Different linguistic conceptions representing onomasiological and semasiological approaches to the word's meaning are considered. The notion of the «temporal structure of the concept» proposed by the *Begriffsgeschichte*-studies (history of concepts) is very helpful to synthesize these approaches. The article proposes an analysis of the history of the word “society” within the cognitive models (G. Lakoff) which show the semantic changes of the word.

Key words: historical semantics, *Begriffsgeschichte* (history of concepts), cognitive models, syntactic structures.

Многозначность слова в исторической перспективе

История значений отдельных слов входит в предмет лингвистической науки на всем протяжении ее существования: «Слово выступает не только как единица словарного состава, но и как центральная, узловая единица языка вообще» [Смирницкий, 1952: 183]. Семантическая история слов, как отмечал акад. В. В. Виноградов, должна стать «существенной частью исторической семантики» русского литературного языка [Виноградов, 1999: 4].

В языкознании было выдвинуто два подхода к изучению значения слова: семасиологический (от слова к понятию) и ономаσιологический (от понятия к слову). Несколько огрубляя, можно сказать, что проблема семантического динамизма сводится к вопросу о природе и механизме полисемии. Так, с точки зрения семасиологического подхода, многозначность – результат раскрытия семантического потенциала слова (Г. И. Кус-

това). Выявление семантического потенциала предполагает осуществление следующих процедур: 1) определение того, «что можно извлечь из исходного значения и связанной с ним ситуации» [Кустова, 2004: 11] и 2) определение того, «на что можно „распространить“ знак, какие новые ситуации вовлекаются в его семантическую орбиту» [Кустова, 2004: 11]. В результате этих процедур можно прийти к конечному набору «значений определенных типов» [Кустова, 2004: 11].

«С ономаσιологической точки зрения явление лексической многозначности представляется совершенно иначе: многозначное слово предстает не как набор значений, связанных отношением семантической деривации, а как ряд относительно автономных номинаций разных реалий (объектов, ситуаций, отношений и т.д.) с помощью одного языкового знака» [Толстая, 2008: 21]. Поэтому главное при ономаσιологическом подходе – «объяснить причину (мотив) использования данного языкового знака для обозначения данного денотата и затем восстановить логику применения одного и того же знака к разным денотатам» [Толстая, 2008: 21].

На современном этапе историческая семантика, немислима без обращения к тому, что сегодня составляет предмет когнитивной науки. Идея примата семантического уровня над синтаксическим, изначально определившая формирование «лагеря когнитивистов», полемично настроенных по отношению к теории Н. Хомского (см., в частности, [Рахилина, 1998]), по-новому поставила вопрос о соотношении синтаксических структур и когнитивных моделей мышления. «В сущности, – пишет Ф.Растье в «Когнитивной семантике», – мы можем считать лексику и синтаксис – двумя уровнями структурирования означаемого языкового знака. Автономность этих уровней весьма относительна, о чем свидетельствует история различных языков (с присущими им явлениями транспозиции, грамматикализации, лексикализации и пр.). Весьма вероятно в этой связи, что именно семантика задает синтаксические валентности» [Rastier, 1991: 139]. Однако методология когнитивной семантики разрабатывается преимущественно в исследованиях по синхронии языка и почти совершенно не распространяется на историческую перспективу слова.

Со второй половины XX в. ономаσιологический подход получает мощную поддержку в исторической науке. В научном направлении, известном как *Begriffsgeschichte* (история понятий), выдвигается представление о «темпоральной структуре концепта» (Р.Козеллек). В классическом для этого направления труде – «Словаре основных исторических

понятий» – Р. Козеллек раскрывает смысл этой терминологии на следующем примере: «Слово „республика“, некогда бывшее собирательным понятием для всех форм государственного устройства... претендует на то, чтобы обозначать единственно легитимное государственное устройство. Из родового понятия, существовавшего в теоретической систематике, это слово превратилось в историческое понятие, описывающее цель и заключающее в себе ожидание. Понятие, таким образом, подверглось темпорализации... оно более не описывает наличной реальности, но содержит важный элемент – ожидание; это понятие отсылает к будущему, превращаясь из понятия в проект будущего» [Козеллек, 2014: 28] (о темпоральной структуре концепта см. [Ревзина, 2013]).

При очевидном приоритете истории понятия перед историей слова направление *Begriffsgeschichte* предложило и нечто объединяющее ономаσιологический и семасиологический подходы: если темпоральная структура понятия содержит «проект будущего», то это означает, что понятия (и называющие их слова) выступают не только как индикаторы, но и как факторы исторических изменений [Бедекер, 2010].

Признавая, что «структура многозначного слова может быть результатом действия разных языковых механизмов – как семантических, развивающих потенциал исходного значения... так и номинационных (когнитивных)» [Толстая, 2008: 23], исследователь неизбежно возвращается к тому, что акад. В. В. Виноградов обозначил как «вопрос о тождестве слова» – о «единстве смысловой структуры слова и потенциальном многообразии его исторических разновидностей» [Виноградов, 1999: 16]. Критерием признания тождества слова является «непрерывность его историко-семантического развития» [Виноградов, 1977: 39]. Под «непрерывностью» понимается «как активное употребление соответствующего слова в разных последовательно менявшихся системах языка, так и пребывание его, иногда на протяжении столетий, в архивном фонде данного языка или в его пассивном словаре» [Виноградов, 1977: 39].

Теорию исторической лексикологии В. В. Виноградова от рассмотренных выше концепций отличает, во-первых, помещение вопросов семантической структуры в историческую перспективу, во-вторых, признание самоценности отдельного слова как «объективного факта» (ср. положение Р. Козеллека о том, что «писать историю отдельных, изолированных понятий весьма сложно и даже невозможно» [Козеллек, 2010: 21]). В. В. Виноградов настаивает на том, что «слово раскрывается как *отдельный исторический факт, который как бы самостоятельно развива-*

ет заложенные в нем потенции семантических изменений» (выделено мной) [Виноградов 1999: 8]. Как будет показано ниже, семантическая история слова *общество* доказывает справедливость этого тезиса.

Таким образом, понятие семантического потенциала, используемого в современной семантике, Виноградов относил именно к языковой темпоральности, жизни языка во времени. Теория исторической лексикологии В.В. Виноградова была ориентирована на постепенную реализацию масштабного проекта по составлению «Исторического словаря русского литературного языка XVIII–XIX вв.». Его роль исследователь видел в создании «историко-лингвистической концепции умственного, культурного и, в частности, художественного развития русского общества» [Виноградов, 1977: 200], перенимая формулировку В. А. Жуковского: «Всякое слово, получающее место в лексиконе языка, есть событие в области мысли» [Виноградов, 1977: 200].

В свете развивающегося в современной гуманитарной науке направления *Begriffsgeschichte* актуальной задачей исторической семантики является создание «Исторического словаря социально-политических терминов русского языка». Во второй части данной статьи предлагается анализ истории слова *общество* в русском языке XVIII в. Подробный анализ истории этого слова от древнерусского периода до первой трети XIX в. см. в [Дуринова, 2015], цель, преследуемая в настоящей статье, – продемонстрировать теоретические и практические принципы анализа.

Итак, что же понимать под «событием в области мысли» применительно к исторической семантике? Если исходить из представления о том, что функция первична по отношению к структуре [Томаселло, 2011], то изменения в семантике предшествуют синтаксическим сдвигам. У.Чейф полагает, что семантический уровень уподобляется мышлению в смысле нелинейного характера, а синтаксический уровень необходим для того, чтобы «неупорядоченные семантические элементы <были> упорядочены во времени» [Чейф, 2015: 75].

Эти вопросы приобретают весьма конкретные очертания при обращении к анализу конкретных слов. Так, социально-политическое значение слова *общество* подразумевает нормативность позиции субъекта действия: *общество решает, общество призывает, общество осуждает* (НКРЯ). Но в тот период русского языка (первая половина XVIII в.), когда равно возможны конструкции типа *обществом обороняться* («всем вместе») и *обществом сочиняется* («постановляется»), справедливо ли считать, что пассивная диатеза определила возможность трансформа

**общество сочиняет* – наречная функция (*обществом* в знач. ‘вместе’) устранена в пользу функции агентивной?

Когнитивные модели и синтаксическая структура

Одними из интереснейших и, судя по всему, ключевыми политическим документами в истории слова *общество* как социально-политического понятия являются так называемые «дворянские проекты» 1730 г. Они представляют собой текстовые вариации проектов по ограничению самодержавной власти, предложенных дворянскими группировками на рассмотрение в Верховный тайный совет в 1730 г. (см. [Курукин, 2010; Протасов, 1971]). Слово *общество* является в этих документах центральным. Нас будут интересовать конструкции, которые допускают неоднозначное прочтение с точки зрения диатезы, являющиеся результатом сдвига в диатезе. Рассмотрим следующие примеры (цитируются по изд. [Плотников, 2006]).

«*Призвано будет общество*». Данная конструкция – результат диатетического сдвига: семантической роли пациенса соответствует синтаксическая позиция субъекта действия. При этом агенс из ситуации устраняется (ср. прототипическая ситуация: «X призовет общество»), образуя так называемый «безагенса́нный пассив» [Падучева, 2004: 61]. В. А. Плу́нган называет такие конструкции «понижающей актантной деривацией», при которой «каузатор утрачивает актантный статус» и «у декаузативной ситуации на одного участника меньше» [Падучева, 2004: 61]. Это одновременно означает и повышение коммуникативного ранга пациенса – «общество» мыслится как нерасчлененное множество, «соборное лицо». Из контекста понятно, что речь идет о призыве чего-то наподобие «исполнительной комиссии», которую, конечно, составляют конкретные люди, но важным оказывается не это, а целостное, «соборное» действие этого объединения.

«*Обществом сочиняется*». Эта конструкция вызывает особый интерес: значение слова *общество* может быть прочитано как синонимичное значению в конструкциях «обществом выбирается», «обществом утверждается», где семантическую валентность следует понимать как инструмент: «обществом», т.е. «всем вместе». Действия *выбирать* или *утверждать обществом* возможны, только если каждый «участник общности» произведет названное действие.

В рассматриваемой конструкции («обществом сочиняется»), однако, ситуация не столь однозначна. Если конструкция типа «выбирать обще-

ством» не может быть трансформирована без изменения смысла в конструкцию с прямой диатезой («общество выбирает»), то конструкция «обществом сочиняется» такую трансформацию допускает. Глагол *сочинять* здесь означает «устанавливать, определять, назначать» [СЦСРЯ, IV, 1847: 196] и выступает, в сущности, как перформатив («высказывание, эквивалентное действию, поступку» [ЛЭС, 1990]), и поэтому называемое им действие не складывается из суммы действий «участников общности». Соответственно, перформативный акт может быть приписан коллективному лицу.

Появление слова *общество* в подобной конструкции в позиции агентивного дополнения – знак того, что смысловой потенциал слова раскрывается в сторону реализации валентности субъекта. «Важнейшая особенность человеческого языка заключается в том, что семантическая и синтаксическая сочетаемость слов в большей степени согласованы. Это значит, что если у лексемы есть партиципant X, то с очень высокой вероятностью у нее будет и синтаксическая валентность X» [Тестелец, 2001: 163]. Это замечание может быть «повернуто» и в обратную сторону: заполнение синтаксической валентности X в конструкции с косвенной диатезой фактически делает возможным конструкцию с прямой диатезой, где X занимает синтаксическую позицию субъекта, являясь агенсом соответствующей ситуации.

Итак, на данном этапе мы можем предполагать, что двусмысленность конструкции с косвенной диатезой «провоцировала» изменение значения слова *общество* от инструментальной до агентивной семантики. Однако почему вообще возникла подобная двусмысленность? На этот вопрос можно ответить, обратившись к более поздним примерам употребления слова – в публицистике второй половины XVIII в. (корпус составили тексты М. М. Щербатова, Д. И. Фонвизина, А. Н. Радищева, Н. И. Новикова, Н. М. Карамзина, И. А. Крылова). Ср.: *Третий чин – душа общества, ослабление общества, страждущее общество, мысли общества, себе и обществу, служу обществу* и т. п.

Дж. Лакофф раскрывает механизм функционирования подобных конструкций исходя из понятия «великой цепи бытия» – иерархической структуры понятий, где каждый следующий уровень концептуализуется в терминах предыдущего (так, человеческие свойства могут быть описаны через метафоры, связанные с животным миром). Над уровнем ‘человек’ надстраиваются следующие два: уровень общества, уровень Вселенной. Ср., например, *общество* в конструкции: *Закон естественной оборо-*

ны, необходимый для существования всех земных тварей и гражданских обществ (1819). «Мы говорим о „справедливом обществе“, „миролюбивой нации“ и „злой империи“, как если бы им были присущи человеческие качества»¹ [Lakoff, 1989: 204]. Уровень ‘человек’ выступает как область-донор (source domain) для концептуализации сущности «общества»: как и у человека, у общества есть «душа», как человек, оно может «мыслить», «ослабевать», «страдать» и т. д. Кроме того, ему можно «служить», можно противопоставлять «себя» и «общество» – как отличного от себя человеческого существа. «И от того, как мы представляем себе их (общества, нации, государства. – Г.Д.) поведение, – пишет далее Лакофф, – зависит то, какие черты мы будем им приписывать. Мы можем понимать их в терминах форм жизни, присущих предыдущим звеньям Великой цепи бытия»² [Lakoff, 1989: 204]. Из этого следует чрезвычайно важное свойство этого уровня: «Метафора Великой цепи бытия не столько служит для характеристики уровней, сколько *создает* их»³ [Lakoff, 1989: 204].

Когнитивная модель «ЧЕЛОВЕК» представлена в конструкциях родительного принадлежности: *ручательница общества, душа общества*. Эта же концептуализация имеет место в независимом употреблении: *где токмо владыко и рабы, тамо нет общества*.

Теория концептуальных схем была разработана Дж. Лакоффом: «Опыт в существенном отношении структурирован до и независимо от образования каких-либо концептов. Существующие концепты могут накладывать дополнительное структурирование на опыт, который мы получаем, но базовые структуры опыта присутствуют независимо от какого-либо обнаружения концептов» [Лакофф, 2003: 353]. К базовым структурам относятся кинестетические образные схемы – к ним относится схема ‘вместилще’ – она «определяет наиболее базовое разграничение – разграничение между ВНУТРИ и СНАРУЖИ» [Лакофф, 2003: 354], в языке происходит «распространение телесно-ориентированного понимания вещей на широкий круг абстрактных концептов» [Лакофф, 2003: 354]. Данная когнитивная модель делает возможным конструкцию «в общест-

¹ «We speak about a “just society”, a “peace-loving nation”, and the “evil empire”, as if they had the equivalent of human character attributes».

² «And how we understand them as behaving, – пишет далее Дж. Лакофф, – depends upon what traits we see them as having. We can understand them in terms of lower-order forms of being via the GREAT CHAIN METAPHOR».

³ «The GREAT CHAIN METAPHOR operates not merely to characterize the nature of these levels but in fact to create them».

ве». Интересным, однако, представляются случаи совмещения этих двух моделей (ЧЕЛОВЕК и ВМЕСТИЛИЩЕ) – как в следующем примере: «*Все почти общество безрассудно покупает*». В этом примере *общество* занимает позицию субъекта и воплощает концептуальную схему ЧЕЛОВЕК. Одновременно лексический ограничитель *все почти* «работает» в логике схемы ВМЕСТИЛИЩЕ: те, на кого распространяется называемое действие, как бы очерчиваются окружностью, вписанной в круг ‘общество’.

Следующий этап – соответствие когнитивной модели ЧЕЛОВЕК позиции синтаксического субъекта. Такие конструкции являются типичными в тексте «Русской правды» П. И. Пестеля («*Всякое общество имеет свою цель и избирает средства для достижения оной*», 1825), где слово *общество* выступает как социально-политический термин.

Ситуация смысловой неоднозначности, способствующая раскрытию семантического потенциала рассматриваемого слова, которую мы наблюдали в различных примерах XVIII в., характеризует темпоральную семантику слов *общество*. Темпоральная семантика переходит в устойчивую, когда устраняется источник неопределенности: соответствие синтаксических структур и семантических (когнитивных) моделей, которое мы наблюдаем уже в тексте «Русской правды» (1825), где *общество* реализует когнитивную модель ЧЕЛОВЕК, выполняет семантическую роль агенса и занимает позицию синтаксического субъекта.

Как отмечает М. Линн-Мерфи, «современная лексическая семантика видит свою задачу в изучении того, „как языковые конструкции связаны с человеческим мышлением“ [Jackendorff, 2006: 355]», а «лингвистическая семантика в существенной мере стала исследованием структур мысли – понятийных структур, того, какую сетку эти структуры накладывают на язык» [Murphy, 2011: 53]. До тех пор, пока данная когнитивная модель (в нашем случае – ЧЕЛОВЕК) не найдет лучшую, или прототипическую, синтаксическую структуру (в данном случае – позиция субъекта действия), она предстает как источник темпоральной семантики, продуцирующей такие «маргинальные» случаи, как «обществом сочиняется», которые содержат в себе семантический потенциал понятия (*общество* как субъект действия, «соборное лицо»). В. В. Виноградов писал, что «слово как бы продергивается сквозь разные языковые слои, которые оставляют на нем, его значениях, следы своих преобразований» [Виноградов, 1999: 8]. Проведенный анализ нескольких примеров из истории слова *общество* лишь подтвердил точность этого наблюдения.

Список литературы

- Виноградов В. В.* Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования // История слов. М., 1999.
- Виноградов В. В.* Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977.
- Дуринова Г. В.* Темпоральная семантика слова «общество» // Социологическое обозрение. 2015. Т. 14. № 1.
- Козеллек Р.* Введение // Словарь основных исторических понятий: Избр. статьи: В 2 т. / Пер. с нем. К. Левинсон. М., 2014. Т. 1.
- Козеллек Р.* К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий // История понятий, история дискурса, история метафор. М., 2010.
- Бедкер Х. Э.* Отражение исторической семантики в исторической культурологии // История понятий, история дискурса, история метафор. М., 2010.
- Курукин И. В., Плотников А. Б.* 19 января – 25 февраля 1730 года: события, люди, документы. М., 2010.
- Кустова Г. И.* Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М., 2004.
- Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. Кн. 1: Разум вне машины. М., 2011.
- Лингвистический энциклопедический словарь.* М., 1990.
- Падучева Е. В.* Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Плунгян В. А.* Общая морфология. М., 2003.
- Протасов Г. А.* Дворянские проекты 1730 г. (источниковедческое изучение) // Источниковедческие работы. Тамбов, 1970. Вып. 1.
- Рахилина Е. В.* Когнитивная семантика: истоки, персоналии, идеи, результаты // Семантика и информатика. Вып. 36. М., 1998.
- Ревзина О. Г.* Темпоральная структура концепта // Языковые параметры современной цивилизации. Сборник трудов первой научной конференции памяти академика РАН Ю. С. Степанова. М., 2013.
- Словарь церковно-славянского и русского языка*, составленный Вторым Отделением Имп. Академии наук. Т. I–VI. СПб., 1847.
- Смирницкий А. И.* К вопросу о слове (проблема отдельности слова) // Вопросы теории и истории языка. М., 1952.
- Тестелец Я. Г.* Введение в общий синтаксис. М., 2001.
- Толстая С. М.* Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М., 2008.

- Томаселло М.* Истоки человеческого общения. М., 2011.
- Чейф У.* На пути к лингвистике, основанной на мышлении // Язык и мысль. Современная когнитивная лингвистика. М., 2015.
- Jackendoff R.* (2006). On Conceptual Semantics // Intercultural Pragmatics. Vol. 3. № 3.
- Lakoff J., Turner M.* More than Cool Reason. A field guide to poetic metaphor. University of Chicago Press, 1989.
- Lynne Murphy M., Piazza R.* Linguistic semantics and historical semantics // Asymmetrical concepts after Reinhart Koselleck. Historical semantics and beyond / (Eds.) Junge K., Postoutenko K. Bielefeld, 2011.
- Rastier F.* Sémantique et recherches cognitives. Paris, 1999.

Сведения об авторе: Дуринова Галина Вячеславовна, аспирант кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова. E-mail: galina.dourinova@gmail.com